

Гастон Буасье

Падение язычества

**Исследование последней
религиозной борьбы на Западе в
4 веке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г22

Г22 **Гастон Буасье**
Падение язычества: Исследование последней религиозной борьбы на Западе
в 4 веке / Гастон Буасье – М.: Книга по Требованию, 2012. – 608 с.

ISBN 978-5-458-07383-7

Перевод с французского под редакцией и с предисловием М.С. Корелина

ISBN 978-5-458-07383-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

реакція Юліана представляеть собою близорукую попытку провести въ жизнь старую программу неоплатониковъ, которая была непонятна для вѣрующей массы и не могла удовлетворить философскаго ума. Послѣдніе язычники Римской имперіи лишены глубокаго чувства вѣры и не имѣють опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій. Одни изъ нихъ, какъ Претекстатъ, поклонялись всѣмъ богамъ всего языческаго міра; другіе, какъ Флавіанъ, старались держаться только древнеримскаго культа; третьи, какъ Симмахъ, успокоивались на поверхностномъ монотеизмѣ, съ которымъ чисто внѣшнимъ образомъ примиряли традиціонныя вѣрованія; наконецъ, четвертые, какъ Макробій, повторяли измышленія неоплатониковъ. Кромѣ того, религія была для всѣхъ этихъ представителей разрушившагося язычества не живою силою, а только дополненіемъ къ ихъ политическимъ и культурнымъ идеаламъ. Послѣдніе язычники страстные поклонники античной цивилизаци и ревностные патриоты; но такъ какъ культурный и политическій блескъ древняго Рима въ IV вѣкѣ отошелъ уже въ область далекаго прошлаго, то всѣ ихъ воззрѣнія носятъ антикварный характеръ. Клавдіанъ все еще мечтаетъ о прежнемъ величій Рима и сената и не можетъ примириться съ перенесеніемъ столицы въ Византію; Симмахъ всѣми силами старается соблюдать устарѣлыя и отжившіе свой вѣкъ обычаи; ученые собесѣдники въ Сатурналіяхъ Макробія ведутъ архелогическіе разговоры. Всѣ они враждебны христіанству, но только потому, что считаютъ его гибельнымъ для государства и культуры; это застарѣлыя реакціонеры, которымъ слѣпая приверженность къ старинѣ мѣшала отличать въ ней жизненное отъ отжившаго и внушала вражду ко всему новому только потому, что оно отвергало омертвѣвшія стороны античной культуры. Послѣдніе язычники исходили изъ правильнаго наблюденія, что современная имъ цивилизациа развилась на почвѣ язычества; но имъ казалось невыслымымъ, чтобы она была возможна и на новой почвѣ. Это печальное заблужденіе, обычная болѣзнь безусловныхъ поклонниковъ прошлаго, и осудило послѣднихъ язычниковъ на тяжелую роль мертвыхъ, погребящихъ своихъ мертвецовъ. Совершенно естественно поэтому,

что Г. Буасье сдѣлалъ главнымъ предметомъ своего новаго изслѣдованія не развалины язычества, осужденныя на глѣніе, а развитие новой христіанской культуры, которой предстояло великое будущее. Здѣсь на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ вопросъ объ отношеніи новой религіи къ старой культурѣ, и авторъ посвящаетъ ему большую часть своей книги. Такой планъ изложенія обусловливается самою сущностью дѣла. Процессъ усвоенія христіанствомъ здоровыхъ элементовъ античной культуры имѣетъ всемірно-историческую важность, потому что такимъ путемъ средніе вѣка получали свое наслѣдство отъ древняго міра и результаты многовѣкового развитія восточной и греко-римской цивилизаціи становились достояніемъ новыхъ народовъ. Въ IV вѣкѣ, когда гонимая религія сдѣлалась господствующей, этотъ процессъ вступалъ въ новый фазисъ развитія. Являлся вопросъ, удастся ли учителямъ новой вѣры освободиться отъ естественной ненависти къ культурѣ гонителей, или они повторятъ ошибку своихъ преслѣдователей и безапелляціонно осудятъ все языческое, какъ тѣ осуждали христіанство? Вопросъ этотъ имѣлъ огромную важность. Новая религія вполне овладѣла душой человѣка, и ея ученіе опредѣляло отношеніе къ наукѣ, искусству, литературѣ. Въ христіанской апологетикѣ уже существовало крайне враждебное языческой культурѣ теченіе, представителями котораго были Татіанъ и нѣкоторые другіе писатели на Востокѣ и Тертуліанъ на Западѣ. Было чрезвычайно важно, какое направленіе одержитъ верхъ въ IV вѣкѣ, когда христіанство стало господствующей религіей и когда жили великіе учителя Церкви, голосъ которыхъ имѣлъ огромное значеніе не только для современниковъ, но и для отдаленнаго потомства. Къ счастью, побѣда осталась не на сторонѣ абсолютныхъ противниковъ античной культуры. Многовѣковое воспитаніе, которое дано было греко-римскому обществу философией, наукой, литературой и искусствомъ, сдѣлало необходимыми эти стороны языческой цивилизаціи и для послѣдователей христіанской религіи. Г. Буасье вполне признаетъ важность усвоенія христіанствомъ жизненныхъ сторонъ языческаго наслѣдства, но въ его книгѣ нѣтъ полной и всесторонней исторіи

этого процесса. Авторъ ограничивается изображеніемъ воспитанія, какъ главнѣйшаго проводника античнаго вліянія на христіанство и отмѣчаетъ только нѣкоторые его результаты, проявившіеся преимущественно на раннихъ произведеніяхъ христіанской литературы.

Вторая, третья и четвертая книги сочиненія Буасье, несмотря на много блестящихъ и оригинальныхъ страницъ, страдаютъ нѣкоторой отрывочностью и несоразмѣрностью отдѣльныхъ частей, что зависитъ отчасти отъ метода автора, отчасти отъ его плана. Буасье не изслѣдуетъ всѣхъ проводниковъ античнаго вліянія и не даетъ систематическаго изложенія его результатовъ въ христіанскомъ міросозерцаніи. Онъ только *констатируетъ его наличность* на конкретныхъ примѣрахъ; у него нѣтъ систематической исторіи проникновенія въ христіанство античной культуры, а есть только историческія доказательства существованія этого факта. Все содержаніе трехъ названныхъ книгъ представляетъ собою только обильную фактическую аргументацію усвоенія христіанствомъ культурной работы прошлаго, а не всестороннюю исторію этого процесса. Но эти аргументы по временамъ являються законченными изслѣдованіями. Такова 2-я книга, гдѣ идетъ рѣчь о воспитаніи, и 4-я о латинской христіанской поэзіи. Такой планъ изложенія имѣетъ выгодныя стороны, такъ какъ расширяетъ содержаніе книги и углубляетъ аргументацію, но отъ этого страдаетъ стройность и цѣлостъ изложенія. Такъ, обширная 1-я глава 2-й книги (97—133), гдѣ авторъ сводитъ результаты новыхъ изслѣдованій объ организаціи общественнаго воспитанія въ Римской имперіи, не имѣетъ прямой связи съ главнымъ содержаніемъ книги. Вся четвертая книга имѣетъ огромную самостоятельную цѣну, какъ превосходное изслѣдованіе о малоизвѣстныхъ и весьма важныхъ писателяхъ чрезвычайно интересной эпохи. Но занятый ихъ изображеніемъ, авторъ забываетъ иногда основную задачу своего труда и слабо отмѣчаетъ вліяніе древности, вслѣдствіе чего эта часть книги представляется почти совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ этюдомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ недостатки плана, главное положеніе Буасье, что христіанство восприняло античную культуру,

туру, доказано имъ съ полной убѣдительностью и съ поразительной наглядностью. Достаточно прочесть двѣ послѣднихъ главы 3-й книги, чтобы видѣть, какъ неотразимо было античное влияніе даже для такихъ дѣятелей ранняго христіанства, какъ свв. Амвросій, Іеронимъ и Августинъ.

Труднѣе согласиться съ объясненіями, какія даетъ этому факту Гастонъ Буассье. Доказавъ, что посредствомъ воспитанія „прошла въ христіанство почти вся языческая древность“, онъ задаетъ вопросъ, почему въ христіанской школѣ оставили языческихъ авторовъ и старые приемы образованія, и сводитъ этотъ консерватизмъ къ тремъ причинамъ: во-первыхъ, не желали дѣлать изъ школы поле опытовъ; во-вторыхъ, у старшаго поколѣнія симпатіи къ традиціонной школѣ обуславливались прелестью воспоминаній о собственной юности; въ-третьихъ, „нѣкоторое довольство собой, которое никому не чуждо, приводитъ насъ къ мысли, что система воспитанія, сдѣлавшая насъ тѣмъ, что мы есть, давала недурные результаты“. (стр. 145). Мы думаемъ, что причины лежали гораздо глубже. Если соображенія, приведенныя Г. Буассье, и содѣйствуютъ устойчивости установившихся системъ и приемовъ образованія, то это бываетъ исключительно въ эпохи спокойнаго развитія давно укоренившихся началъ духовной жизни. Періодъ борьбы и побѣды христіанства надъ язычествомъ отличался другимъ характеромъ. Тогда происходилъ глубокой культурный переворотъ, и вся духовная жизнь перестраивалась на новыхъ началахъ. Рутинный консерватизмъ совершенно чуждъ такимъ эпохамъ; наоборотъ, онѣ скорѣе склонны къ противоположному недостатку, къ доктринерскому радикализму. Поэтому, если христіанство сохранило старую систему воспитанія, то причиною этому не консерватизмъ. Буассье самъ приводитъ нѣсколько попытокъ измѣнить систему образованія въ новомъ духѣ и между прочимъ трактатъ бл. Августина на эту тему. Но всѣ эти попытки должны были окончиться неудачей. Образованное общество античнаго міра, принявши новую религію, не могло отказаться ни отъ эстетическихъ потребностей, которыя удовлетворялись искусствомъ и литературой, ни отъ умственныхъ интересовъ, которые влекли къ научнымъ заня-

тіямъ и къ философскимъ вопросамъ. А вся эта духовная пища заключалась въ языческой культурѣ. Совершенно естественно, что образованные отцы не хотѣли лишать своихъ дѣтей того, что они считали необходимымъ условіемъ умственной жизни. Системы общественнаго образованія обуславливаются запросами духовной жизни своего времени; вотъ почему античная школа, несмотря на свое языческое происхожденіе, была сохранена культурнымъ христіанскимъ обществомъ и пала только тогда, когда на развалинахъ римской имперіи поселились варварскіе народы.

Второе заглавіе книги Буасье тоже требуетъ нѣкоторой оговорки. Читатель не найдетъ здѣсь систематическаго изложенія послѣдней борьбы побѣдоноснаго христіанства съ побѣжденнымъ язычествомъ. Авторъ мимоходомъ говоритъ о мѣрахъ христіанскихъ государей противъ стараго культа и почти совсѣмъ не упоминаетъ о взрывахъ религіознаго фанатизма съ той и другой стороны. Онъ останавливается только на двухъ моментахъ политической борьбы при Константинѣ и Юліанѣ и сосредоточиваетъ вниманіе на борьбѣ культурной, имѣющей по своимъ результатамъ огромную всемірно-историческую важность. Эта часть книги Буасье представляетъ особенный интересъ по оригинальности взглядовъ автора и по значенію его выводовъ.

Буасье не согласенъ съ тѣми изслѣдователями, которые видятъ въ Константинѣ свободнаго мыслителя, совершенно равнодушнаго ко всѣмъ религіямъ, и считаютъ его обращеніе дѣломъ искусной политики. По мнѣнію Буасье, не политика, а вѣра руководила императоромъ и доставила господство христіанству, и его аргументація кажется намъ вполне убѣдительной. Но авторъ совершенно игнорируетъ вліяніе политики въ религіозной реформѣ Константина, что придаетъ невѣрную окраску личности перваго христіанина на престолѣ цезарей и дѣлаетъ непонятной его первую мѣру въ пользу христіанъ — знаменитый Миланскій эдиктъ. Буасье настаиваетъ на суетвѣріи Константина, утверждаетъ, что онъ принялъ христіанство изъ религіознаго разсчета, такъ какъ былъ убѣжденъ, что христіанскій Богъ лучше, чѣмъ языческія божества, награ-

ждаеть здѣсь на землѣ своихъ служителей (стр. 17, 20, 21, 23 — 24). Въ самомъ Миланскомъ эдиктѣ онъ видитъ желаніе императора „расположить къ себѣ всѣхъ боговъ терпимостью ко всѣмъ культамъ“ (стр. 27). Но такое настроеніе и такое міросозерцаніе совершенно несомвѣстны съ христіанствомъ. Глубокая ненависть и ожесточенная вражда, съ которыми встрѣтилъ языческій міръ ученіе Христа, обуславливались главнымъ образомъ тѣмъ, что христіане не могли примириться съ старой религіей и рѣзко отвергали ея боговъ. Буасье самъ чувствуетъ преувеличеніе той черты, которую онъ считаетъ существенной въ характерѣ Константина, и, впадая въ нѣкоторое самопротиворѣчіе, объясняетъ языческія стороны Миланскаго эдикта вліяніемъ императорской канцеляріи (стр. 32 и 33). Въ результатѣ образъ Константина страдаетъ неопредѣленностью очертаній, а толкованіе важнаго памятника его религіозной политики — искусственностью и натяжкой. Намъ кажется, что тотъ и другой получаютъ лучшее освѣщеніе, если принять во вниманіе политическіе интересы Константина. Весьма вѣроятно, что не выгода, а религіозныя убѣжденія склонили императора къ религіи, которая еще при его предшественникѣ подверглась кровавому гоненію. Но находясь во главѣ государства, большаинство гражданъ котораго держалось языческой религіи, Константинъ не могъ дѣйствовать рѣшительно и долженъ былъ считаться съ возрѣвіями своихъ подданныхъ. Съ этой точки зрѣнія не трудно объяснить и наружное двоевѣріе императора, и неопредѣленный языкъ его актовъ¹, когда они касаются религіозныхъ отношеній, и медленность его окончательнаго и рѣшительнаго присоединенія къ христіанству, что совершенно упускаеть изъ виду Г. Буасье. Константинъ принималъ новую вѣру, какъ человѣкъ вѣрующій; но онъ долженъ былъ дѣйствовать, какъ политикъ, стремясь дать своей религіи господствующее положеніе еще въ языческомъ государствѣ.

¹ Почти одновременно съ книгой Буасье появилась новая работа О. Seeck'a о Миланскомъ эдиктѣ, въ которой авторъ старается доказать, что этотъ актъ изданъ былъ не Константиномъ, а однимъ только Лициніемъ и не для всей имперіи, а только для Востока (*Zeitschrift für Kirchengeschichte* V. XII).

Если взгляд Буассе на Константина, вѣрный по существу, требуетъ, какъ мы думаемъ, въ некоторыхъ ограниченій, то его характеристика Юліана и оцѣнка послѣдней попытки реставрировать язычество принадлежитъ къ числу наилучшихъ мѣстъ книги. Авторъ съ полнымъ безпристрастіемъ освѣтилъ и привлекательныя и темныя стороны несчастнаго Апостата, который во всѣ времена возбуждалъ симпатіи противниковъ христіанства и весьма часто внушалъ вражду и отвращеніе христіанскимъ историкамъ. Странная фигура способнаго мечтателя и мистика, которому торжествующее христіанство случайно причинило много страданій, а побѣжденное язычество съ его искусствомъ и философіей, съ его поэтизированьемъ природы и таинственной магіей давало полное удовлетвореніе, нарисована съ поразительной ясностью и съ полнымъ безпристрастіемъ. Страстный поклонникъ античной древности, до крайности идеализировавшій язычество и совершенно не понявшій христіанства, стоитъ передъ нами, какъ живой.

Не давая систематическаго изложенія политической борьбы христіанства съ язычествомъ, Г. Буассе обращаетъ особое вниманіе на борьбу культурную. Эта борьба сосредоточивалась въ литературѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объ партіи обращались къ властямъ, и авторъ тонко подмѣчаетъ особенности полемическихъ пріемовъ обоихъ противниковъ и вѣрно оцѣниваетъ историческое значеніе защищаемыхъ ими принциповъ. Главный упрекъ, который дѣлали христіанству образованные язычники, заключался въ томъ, что новая религія презираетъ и разрушаетъ античную культуру. Къ V вѣку христіанство фактически опровергло это обвиненіе. Въ то время какъ большинство послѣднихъ литературныхъ противниковъ христіанства презрительно игнорировало его существованіе, христіанская литература успѣшно извлекала изъ языческихъ памятниковъ то, что было въ нихъ жизненнаго и безсмертнаго. Эта разница была весьма благотворна и для христіанства, и для культуры. Г. Буассе справедливо замѣчаетъ, что христіанская поэзія, примыкая нѣкоторыми сторонами къ античнымъ образцамъ, оканчательно примирила образованныхъ язычниковъ съ новой вѣрой (стр. 337); правда, авторъ думаетъ, что всѣ послѣдніе

язычники одинаково ненавидѣли христіанство (стр. 391); но эта всеобщая ненависть не оправдывается фактами. Наоборотъ, у панегиристовъ - язычниковъ, которыхъ онъ причисляетъ къ противникамъ христіанства, слышится примирительная нота, и при христіанскихъ императорахъ, отличавшихся терпимостью, оба культа мирно уживались другъ съ другомъ. Усвоеніе христіанствомъ древней культуры, а не репрессивныя мѣры фанатическихъ императоровъ противъ сторонниковъ стараго культа, довершили пораженіе язычества, какъ отмѣчаетъ это самъ Буасье въ одномъ изъ наиболѣе блестящихъ параграфовъ своей книги (стр. 409 и слѣд.).

Такое отношеніе христіанства къ античной цивилизаціи опредѣлило отчасти и культурное значеніе его побѣды надъ язычествомъ. Г. Буасье отмѣчаетъ оживленіе литературы въ IV вѣкѣ, но дѣлаетъ это, къ сожалѣнію, черезъчуръ коротко (стр. 497 и слѣд.), между тѣмъ какъ этотъ фактъ имѣетъ огромную важность. Въ IV вѣкѣ христіанство имѣетъ несомнѣнный и общепризнанный перевѣсъ надъ язычествомъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и науки. Поэтому не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что побѣда христіанства была и въ этой сферѣ прогрессивнымъ явленіемъ, такъ какъ языческая литература, быстро клонившаяся къ упадку въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры, обнаружила полное безсиліе къ дальнѣйшему развитію на старой почвѣ. Съ этой точки зрѣнія Буасье безусловно правъ, отвергая довольно распространенное мнѣніе, что „Церковь уничтожила древнюю литературу“ и „что мракъ среднихъ вѣковъ — ея дѣло“ (стр. 496). Но онъ совершенно игнорируетъ одну весьма важную особенность ранней христіанской литературы и культуры — ея религіозный характеръ. Между тѣмъ эта особенность имѣла огромное вліяніе на средневѣковую культуру. Уже въ эту эпоху литература, наука, искусство и философія утратили самостоятельное значеніе и признавались только, какъ вспомогательный или даже служебный элементъ вѣроученія и культа. Чѣмъ болѣе развивалось и усиливалось аскетическое направленіе, которымъ Буасье точно такъ же почти совершенно не интересуется, тѣмъ болѣе эти стороны культуры отрывались отъ жизни и впадали въ раб-

скую зависимость отъ Церкви. Знаменитая формула, гласящая, что философія — служанка богословія — логическій выводъ изъ принциповъ тѣхъ раннихъ христіанскихъ писателей, которые оживили древнюю литературу въ IV вѣкѣ. Конечно, Церковь неповинна за средневѣковой мракъ; но не слѣдуетъ забывать, что новая культура началась съ отрицанія тѣхъ ограниченій, которымъ подчинили христіанскіе писатели унаслѣдованную ими цивилизацію. Въ заключеніи своей книги Г. Буасье сравниваетъ христіанскую литературу IV вѣка съ литературой Возрожденія, но, приписывая слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ признакамъ, не замѣчаетъ глубокой, коренной разницы между обѣими эпохами. Дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ какъ и тысячу лѣтъ раньше, пытались примирить античное съ христіанскимъ и „въ основѣ методъ и приемы остаются тѣ же“. Авторъ признаетъ, что въ XIV вѣкѣ эта работа „возобновилась въ новомъ духѣ: въ послѣдніе годы имперіи смѣшеніе производилось въ пользу христіанства; тысячу лѣтъ спустя верхъ беретъ античный элементъ“. Но эта разница не мѣшаетъ Буасье утверждать, что Возрожденіе продолжало работу, „грубо прерванную варварами V вѣка“ и что оно „началось со временъ Θεодосія“ (стр. 533). Какъ будто въ каждомъ движеніи существенное значеніе имѣетъ не „духъ“ его, а „методъ и приемы“! Коренная разница между IV вѣкомъ и Возрожденіемъ заключалась не въ противоположномъ отношеніи къ античному элементу; гуманисты, какъ и христіанскіе писатели, критически относились къ классикамъ; но въ XIV вѣкѣ съ помощію античныхъ писателей создавалась *софистская культура*; тысячу лѣтъ раньше античная литература приспособлялась къ церковнымъ потребностямъ. Гуманисты стремились создать свободную науку, независимую философію, самостоятельное искусство; всѣ эти цѣли были чужды христіанскимъ писателямъ IV вѣка. Первые стремились освободить эти стороны культуры отъ того, чему подчинили ее послѣдніе.

Изложивъ литературно-политическую полемику, возникшую по поводу удаленія изъ римскаго сената алтаря побѣды, Буасье приходитъ къ заключенію, что не Симахъ, а св. Амвросій защищаетъ свободу совѣсти (стр. 433—37). Вообще авторъ

думаетъ, что идея религіозной свободы, какъ неотъемлемаго права каждаго человѣка, незнакома языческому міру, что она внесена въ нашу культуру христіанскими апологетами (стр. 28—30), и тщательно приводитъ примѣры благородной вѣротерпимости изъ жизни и произведеній представителей уже торжествующаго христіанства¹. Это положеніе вполнѣ доказано; слѣдовательно побѣда христіанства надъ язычествомъ и съ этой точки зрѣнія была существеннымъ улучшеніемъ человѣческаго общежитія. Къ крайнему сожалѣнію, великій принципъ, провозглашенный ранними христіанскими апологетами, не нашелъ себѣ систематическаго приложенія на практикѣ. Г. Буассье не излагаетъ воззрѣній тѣхъ христіанскихъ писателей, которые не раздвѣляли этого принципа, хотя и приводятъ взгляды одного изъ ихъ представителей — Ф. Матернуса; но онъ съ полнымъ безпристрастіемъ показываетъ въ цѣломъ рядѣ блестящихъ параграфовъ своей книги, какъ политическое положеніе христіанства, измѣненное религіозной реформой Константина, вытѣснило изъ жизни принципы раннихъ апологетовъ и привело къ противоположной точкѣ зрѣнія даже такой глубокой умъ, какимъ обладалъ бл. Августинъ (стр. 33—55).

Признавая, что занятіе новой религіей того мѣста въ государствѣ, которое нѣкогда принадлежало старому культу, имѣло темныя стороны, Г. Буассье совершенно справедливо опровергаетъ довольно распространенное мнѣніе, что христіанство было одной изъ причинъ паденія Римской имперіи. Онъ безъ труда и вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что христіане никогда не были мятежниками, что къ IV вѣку уже сгладились нѣкоторыя крайности ихъ воззрѣній, несомвѣстимыя съ основами государственнаго строя, что вліяніе епископовъ не вредило интересамъ государства, что религіозные споры не разрушали общежитія и что большинство существенныхъ бѣдствій имперіи началось задолго до торжества христіанства. Но если не христіанство было виною паденія Рима, то во всякомъ случаѣ его торжество надъ язычествомъ оказало важное вліяніе

¹ См. о Мартинѣ Турскомъ стр. 272, о Павлинѣ Нолянскомъ стр. 304, о Пруденціи стр. 334.